

Наталья Нестерова

Неподходящий жених

Часть сборника
Неподходящий жених (сборник)

Наталья Нестерова

Неподходящий жених

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4971006
Неподходящий жених: [сборник]: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077330-5, 978-5-17-077331-2

Аннотация

«Андрею Смирнову следовало родиться в девятнадцатом веке в богатой дворянской семье. Он отлично проводил бы время на скачках, на балах, остроумничал в салонах, резался в карты, постреливал на дуэлях, кутил у цыган, бездельничал летом в поместье, треская крыжовник и портя дворовых девушек. Послереволюционная Россия двадцатого века Андрею была бы противопоказана, а Франция вполне подошла...»

Наталья Нестерова

Неподходящий жених

Андрею Смирнову следовало родиться в девятнадцатом веке в богатой дворянской семье. Он отлично проводил бы время на скачках, на балах, остроумничал в салонах, резался в карты, постреливал на дуэлях, кутил у цыган, бездельничал летом в поместье, треская крыжовник и портя дворовых девушек. Послереволюционная Россия двадцатого века Андрею была бы противопоказана, а Франция вполне подошла. Мюсье Смирнов-рантье жил бы с шиком и удовольствием, посещая модные курорты, слывя заядлым театралом и меценатствуя по мелочи. В Америке наследником в четвертом поколении большого бизнеса ему бы тоже понравилось: предки набили банки под завязку валютой – трать не хочу, покупай автомобили-яхты-самолеты, води знакомства со звездами Голливуда и топ-моделями, швыряй капиталами на аукционах, мелькай на страницах журналов, занимай первые строчки в рейтингах самых выгодных женихов. Андрей был прирожденным светским львом: мягким, обаятельным, в меру остроумным. У светских львов харизматичность – основной видовой признак. Но есть один малюсенький недостаток – они не умеют, не хотят и никогда не будут толком работать. Тратить они мастера высшего класса, тратят они красиво – с блеском, с талантом, восхищая окружающих. А

способность зарабатывать в них не заложена от природы, как бывают не заложены способности к пению или рисованию.

В России образца две тысячи двенадцатого года настоящие светские львы встречались реже, чем один на десять миллионов. Эти штучные юноши были наследниками дедушек, мощно хапнувших народного добра в начале девяностых. Дедули наворовали очень много, но число дедуль было невелико, многодетных среди них не наблюдалось, кроме того, в наследниках значились особы женского пола и молодые люди, которые светскому безделью предпочитали активное умножение капиталов. В то же время, оно же наше время, почему-то пошла в рост порода липовых светских львов – без гроша за душой, но с большими самомнением и претензиями. Мою единственную и горячо любимую дочь Александру угораздило влюбиться в такого липового аристократа, в Андрея Смирнова.

– Маруся, тут ничего не поделаешь, – успокаивала меня Варвара.

Варя – подруга с детства, мы с ней как сестры, которые ссорятся-мирятся, но друг без друга жить не могут.

– Вспомни себя, – продолжала Варвара, – когда ты влюбилась в Игоря, никакая сила не могла тебя оторвать от него. Тетя Ира (так звали мою маму) чего только ни предпринимала. Она рта не закрывала, понося Игоря.

– Мама и виновата в том, что я вышла за Игоря.

– Как? – выпучила глаза подруга. – Тетя Ира говорила, что

повесится, если вы распишитесь.

– Но ведь не повесилась. Чем больше хулила Игоря, тем сильнее я его любила. Долюбила до полного забвения. А потом, когда у нас все пошло наперекосяк, мама все время твердила: я говорила, я предупреждала.

– Выходит, тетя Ира была права?

– На сто процентов.

– Но с тобой ничего поделаться было нельзя, как сейчас нельзя заставить твою дочь Сашку разлюбить Андрея.

– Можно!

– Как?

– Не знаю, но я придумаю. В этом мире можно добиться всего, если сильно захочешь и выберешь правильную последовательность действий. Ничего нельзя исправить только в другом мире, в загробном. Перед теми, кто ушел, даже повиниться невозможно.

Мы замолчали на несколько минут, упрекая себя мысленно за те горести, что доставили родителям, за невысказанную любовь, за недостаток внимания и заботы. Теперь не исправишь – наши родители умерли. Почему-то с годами о личной черствости задумываешься все чаще и чаще. Наверное, потому что перед глазами собственные дети.

– Значит, всего можно добиться? – Варвара прицепилась к моим последним словам. – Вот, например, мы с тобой: девушки нехрупкого телосложения, предпенсионного возраста – решили стать солистками балета Большого театра. Наша

последовательность действий?

– Не доводи до абсурда, ты еще в цирковые акробатки запишись. Возможно все в пределах разумного. Реально молодой девушке увидеть истинный характер своего избранника? Реально! Значит, возможно.

Варя покачала головой в сомнении и зашла с другой стороны:

– Маруся! Но ведь Андрей очень милый...

– Не то слово! – перебила я. – Обаятельный, мягкий, воспитанный.

– И красивый.

– Стройный, высокий, лицо приятное, фигура спортивная.

– Влюбиться в него легко.

– С пол-оборота. Нужно быть слепой, чтобы не влюбиться в такого парня.

– Сашка не слепая.

– Ага, дура зрячая.

– Она дура не потому что глупая, а потому что неопытная.

Свой опыт мы детям в голову не засунем.

– Да, – согласилась я, – у них еще понималки не выросли.

Женилки сформировались, гормоны забурлили, а понималки спят.

– Нет таких слов, Маруся, которые бы ты сказала дочери, и она послушалась.

– Нет, – опять признала я. – Слова тут бесполезны. Если я

ей скажу, что Андрей – это Обломов наших дней, она вообразит себя Ольгой Ильинской, которая пытается сделать из Облова активного члена общества. И то, что у Ольги ничего не вышло, Сашку не остановит. В молодости мы все считаем, что легко возьмем высоты, с которых скатились предыдущие спортсменки. Кроме того, относительно Обломова есть один важный аспект. Обломов – человек исключительно чистой души, абсолютной нравственности, без рефлексии в чем-то подобных героев Достоевского – князя Мышкина и Алеши Карамазова. Меня всегда интересовало, как бы повел себя Илья Ильич Обломов, окажись в доме Епанчиных или погрузись в проблемы семейства Карамазовых – извращенца-отца, неистового брата Дмитрия, болезненно-умного Ивана? Да и как Обломов справился бы с физиологической страстью, что возбуждали Настасья Филипповна и Грушенька?

– Литература – это замечательно, – перебила меня Варя, – но в жизни я не встречала ни одного князя Мышкина или Алеши Карамазова.

– Зато Обломовых избыток.

Я испытывала некоторое сожаление, потому что подруга не дала мне выговориться. В своей обычной манере она вернула меня с неба на землю. Варвара – человек исключительно практичный и приземленный, и профессия у нее нетворческая. Варя трудилась в коммерческом проектном бюро, отпочковавшемся в свое время от государственного проектного института. Варя тиражировала схемы водоснаб-

жения и пожаротушения, внося минимальные изменения в шаблон, заложенный в компьютере. Восемьдесят процентов рабочего времени Варя проводила за чаепитиями и сплетнями по актуальным (читай – полученным из телевизора) проблемам с сослуживцами. Я работала в оазисе для гуманитариев, в академическом институте языкознания. Телевизора большинство моих коллег либо не имели, либо включали, чтобы узнать сводку погоды.

Много лет назад моя мама, презрительно кривя губ у, спрашивала:

– Почему ты дружишь с этой девочкой Варей? Она ведь... – мама подыскивала слово, мама умела словом убить, – травоядная.

– Да, Варя звезд с неба не хватает и учится на нетвердую «тройку», и книжек, в отличие от меня, не заглатывает. Но я твердо знаю, что если бы мне пришлось переливать кровь, Варя отдала бы свою до капельки.

– У нас в стране много почетных доноров, – пожала плечами мама.

Когда Варя познакомила меня с женихом – Павлом Малининым, среднестатистическим инженером без проблесков оригинальности, – я (верная мамина дочь!) не нашла ничего лучшего, как сказать:

– Ты бы еще истопника из кочегарки себе нашла.

Павел, естественно, узнал о моей оценке и долго дулся. И тем не менее во время моего кошмарного развода имен-

но Павел выступил единственным нашим с дочкой защитником: и кулаками перед алчной родней бывшего мужа размахивал и самому Игорю мозги вправлял посредством легких телесных повреждений. А потом Павел попал в страшную автомобильную аварию, ему делали несколько операций, потребовалась кровь – в прямом смысле слова, а не фигурально, как в детской манифестации о дружбе с Варей. Моя кровь идеально подошла Павлу, я сдавала ее пять или шесть раз. Когда все страхи были позади, муж стал на ноги, в моменты семейных перебранок Варя говорила ему: «Это в тебе Марусина кровь дурит». А дети спрашивали: «Кто из вас Маугли?» Дикий мальчик, как известно, приручал зверей кодовой фразой: «Мы с тобой одной крови». А еще раньше беременная Варя сидела с моей новорожденной Сашкой, когда я сдавала экзамены в аспирантуру. Через два года, родив второго сына, Варя снова забрала Сашку. Мини-ясли в их малогабаритной квартире напоминали детский сумасшедший дом. Но это было все-таки лучше, чем моя квартира, где умирали папа и мама. Папа угасал тихо и безысходно. Мама, сжираемая изнутри раком, бесновалась в нежелании проститься с этим миром. Она вопила от боли, постоянно закатывала истерики, обвиняла меня в нежелании и в неспособности найти правильных врачей. Она могла сходить по большому в постель, а потом бросать в меня и папу кашками. Мама была уже не мама. Но это было не так страшно и больно, как папа – не папа, стремительно превращавшийся из остроумного

интеллектуала-балагура в трусливого глупого старикашку.

С Варей и Павлом Малиниными я пережила столь много, что любые рассуждения о несовпадении наших духовных интересов кажутся смешными. Одно время мы мечтали, что наши дети вырастут и поженятся. Тому были предпосылки.

На даче у Малининых. Сашке моей пять лет, Лехе Малинину четыре с половиной, младшему Вовке три.

Прибегает Вовка и, немилосердно картавя, что-то возбужденно доносит. Наконец мы разбираем детское косноязычие:

– Они там язычками играют, а мне Сашка не дает!

Мы подхватываемся и несемся за сарай. Сидят голубчики! Оба, Саша и Леша, пунцовые, чмокают, пытаются в засос целоваться. Павел вдруг озверел. Схватил сыновей, почему-то обоих, Лешку и Вовку, непричастного к детскому разврату, и лупил подвернувшимся прутом нешуточно.

– Она девочка! – кричал. – Ублюдки! Мои сыновья ублюдки! Я вас своими руками! Она девочка, чтоб вы понимали!

Варя затолкала кулачки в рот и беззвучно плакала. Мы с дочкой, обнявшись, наблюдали за экзекуцией скорее с недоуменным интересом, чем с ужасом. Еще неизвестно, думала я, кто первым предложил «язычками поиграть», моя Сашка или Малинин Леша.

– Ублюдки? – дернула меня вопросительно за руку дочь. – Это кто тарелки облизывает?

– Нет, – автоматически ответила я, – так называли неза-

коннорожденных... – во время оборвалась, потом пойдя объясни, почему дядя Павел сомневается в отцовстве собственных детей. – Не смей повторять бранных слов!

Равно как для меня Варя и Павел были сестрой и братом, так для Сашки Малининой младшие стали братьями. Когда я заговаривала о них как о спутниках жизни, Сашка насмешливо морщила носик: «Фи, мама! Инцест – это предосудительно».

...В кошмарные, нищие, переломные девяностые мы как-то выкрутились и неплохо устроились. Варя втиснулась в коммерческое проектное бюро, Павел пошел работать в компанию по установке пластиковых окон. Малинины даже улучшила жилищные условия – из хрущевской двушки переехали в том же доме в трешку. Который год ждут сноса дома. Меня выручило наследство – родительская квартира на Кутузовском проспекте. Специализированная фирма ее отремонтировала, превратив в чудо дизайнерской фантазии, и сдает дипломатам иностранных государств. Мне перепадает немало – пять тысяч долларов в месяц. Сколько забирает себе фирма, даже представить не могу, главное – у меня нет никакой головной боли с арендаторами, ремонтом, налогами. Капают чистые денежки, позволяя нам с дочерью не экономить на основном – на одежде, белье, косметике. Мы живем в двухкомнатной квартире недалеко от метро «Авиаторная». Обстановка нашего жилища весьма скромная. Но мы всегда одеты с иголочки – модно, красиво, достойно. Мы

никогда не покупаем дешевой косметики, не пользуемся сомнительными шампунями или гелями для душа. Женщине обидно прожить жизнь, одеваясь и обуваясь во что попадая, орошаясь сомнительными духами, натягивая на кисти дешевые перчатки, забрасывая на плечо сумки кустарного производства. В этом мы глубоко убеждены и имеем возможность потакать своим капризам в конкретно-исторических и личных обстоятельствах.

Аренда позволяет Сашке учиться на филологическом факультете МГУ, лучшем языковом институте страны, а мне работать среди умнейших гуманитариев, отгороженных от внешнего мира с его сиюминутными всплесками пошлых сенсаций прозрачной и прочной броней. Так, наверное, было всегда: избранная, очень маленькая, часть общества существовала в колбе. Мне повезло – я в колбе.

С личной жизнью тоже все в порядке. Роман выходного дня длиною в пятнадцать лет – так я называю наши отношения с Евгением Ивановичем. Для меня он, конечно, Женя. Но солидного, академически лысоватого и бородатого, похожего на портреты русских ученых позапрошлого века профессора никому не придет в голову величать по имени. Мы не поженились, потому что Сашка находилась в периоде детско-юношеского собственнического максимализма.

– Он тебе не нужен! – вопила дочь. – У тебя есть я! Нам никто больше не нужен! Он лысый! Он говорит «извольте», он называет меня барышней! Он допотопный!

Если бы она только вопила, я бы переступила. Моя собственная мама, дворянка чистых кровей, вопила такое, что не снилось крестьянам-пролетариям.

Но Сашка еще и тихо скулила:

– Мамочка! Не надо Евгения Ивановича! Я знаю, чувствую, что все изменится: ты будешь другой, и я буду другой. Пожалуйста!

Детство Сашки было вовсе не безоблачным. Я отдала Сашке жизнь, лучшие годы, но и ломала дочь безжалостно. «Ты должна» – это основное. Должна заниматься иностранными языками: хоть тресни, не спи, не ешь, но выполни задания по английскому и французскому перед уроками с репетиторами. Ты должна усвоить основы музыкальной грамоты и живописи. Ты будешь ходить на бальные танцы, чтобы научиться двигаться изящно, потому что ты передвигаешься как биндюжник. Кто такой биндюжник? Посмотри в словаре. Ты поедешь на каникулы с бойскаутами в Крым, научишься ставить палатки, разводить костер и перестанешь падать в обморок при виде безобидного комара.

Я была строгой мамой, но всегда чувствовала, что в данный момент по-настоящему требуется моей дочери: живопись или французский, бойскауты или бальные танцы. Евгений Иванович, я чувствовала, не годится нашей маленькой семейке ни с какой стороны. Я могла ломать дочь ради ее блага, но для собственного? Не решилась.

В итоге все устроилось славно. С Женей мы виделись

по выходным, вместе проводили отпуск. Мы не надоедали друг другу, мы ждали нашего общения, скучали. К каждому свиданию, а ведь их были тысячи, наверное, накапливалось: у меня – это я расскажу ему, у него – это расскажу ей. После развода с женой Евгений как-то устроил быт, стирку-уборку-глажку. Я была счастливо лишена созерцания грязных мужских носков у кровати, пританцовывания с переполненным мочевым пузырем у туалета, где мужчины обожают устраивать читальный зал, мелких щетинок на раковине, которые они не смывают после бриться, чрезмерного алкогольного возбуждения вечером и утреннего злого похмелья – всего того, что замечаешь, что раздражает, когда проходит угар первой влюбленности. Евгений Иванович, в свою очередь, не видел меня растрепой с головной болью, мымрой с предменструальным синдромом или просто хнычущей модницей, которой не удалось купить заветную сумочку. Не вникал в ежедневные проблемы воспитания юной леди в условиях развитого социализма, застоя, дикого капитализма и черт-знает-какой формации, когда все летело вверх тормашками.

Сашка, негодница, в последние каникулы перед одиннадцатым классом, когда мы вместе отдыхали в Турции, ничтоже сумяшеся, выслушав на пляже интереснейший рассказ Евгения Ивановича о параллельных сюжетах в мифах народов мира, спросила:

– Мама? Почему ты не вышла за Евгения Ивановича?

Поднялась и пошла к морю.

– Я не вышла? – икнув от возмущения, потеряв голос, просипела я в спину дочери.

Женя хохотнул и ласково погладил меня по руке. Мы смотрели, как движется моя дочь – практически обнаженная, две узкие полоски ткани не в счет. Бронзово-загорелая, стройная, пропорционально сложенная, точно ее тело высчитали и нарисовали на компьютере – ни сантиметра добавить или убавить. Вот она поднимает руки, чтобы собрать волосы в узел на затылке. При этом плавные перекачивание ягодиц, покачивание бедер сохраняют ритм, но к ним добавляется легкое напряжение мышц рук и талии. Невозможно оторвать глаз и скрыть восхищения. Так думает весь пляж.

– Она ведь еще и умная, – говорю я Жене.

– Конечно, – легко соглашается он.

Его интонации я знаю наперечет. «Конечно» подразумевало «но». У Жени великолепное чувство юмора, подчас настолько парадоксальное, что я не могу разгадать вторую часть шутки.

– Конечно, но? – спрашиваю я.

– У бегемота плохое зрение.

– При чем здесь бегемот? – возмущаюсь.

– С его габаритами хорошее зрение необязательно.

Женя и Малинины были посвящены в мою проблему: у дочки недостойный избранник. И все считали эту пробле-

му вне моей компетенции, стремление развести Александру и Андрея – невыполнимой задачей, да и попросту блажью. С их точки зрения, не существовало достойных вербальных способов развеять пылкую любовь, как не существует технических возможностей остановить тайфун, цунами или землетрясение. Кроме того, действовать открыто я не могла, значит, нужно конспирировать, а в тайных происках против родной дочери, которые неизбежно доставят ей боль, имелся душок жестокости и подлости. Я не спала ночами, терзалась – имею ли право коверкать жизнь Александры по своему разумению? Я находила сотни аргументов «за» и «против». Я была сама себе противна в этих внутренних спорах, потому что побеждала та сторона, которая призывала действовать. Если бы моей дочери угрожала реальная физическая опасность, разве я устранилась бы? Убежала, закрыла глаза ладонями, спрятала голову под подушкой? Ни в коем случае! Я бы царапалась, дралась, бросалась на амбразуру, ни секунды не раздумывая, пожертвовала бы собой. Забреди Саша на минное поле, я бросилась бы выводить ее на безопасный участок. А сейчас моя дочь подкладывает под свою судьбу мину замедленного действия. И я должна смиренно наблюдать?

Первое впечатление от Андрея у меня было самое благожелательное. Симпатичный воспитанный молодой человек. Отдельной строкой – удовольствие видеть дочь, которая светится от любви, звенит как струнка, поет как соловей, излу-

чает счастье, как излучает радиацию месторождение тория. Установку: «был бы человек хорошей» – я считаю правильной и мудрой. Потому что жить с хорошим человеком много приятнее, чем с вруном, подлецом или пьяницей. И хороший человек не обязан иметь семь пядей во лбу или неиссякаемый счет в банке. Конечно, я мечтала о том, чтобы Сашка вышла замуж за обеспеченного и перспективного молодого человека. Но при выборе: гений, богач или просто хороший человек – я бы выбрала последнее. Андрей не был ни первым, ни вторым, ни третьим. Чистой воды паразит – в биологическом смысле. Особь, которая существует за счет других, вампирствует.

Когда Саша сказала, что они с Андреем хотят жить вместе, мое сердце болезненно сжалось и прыгнуло в горло. Не потому что я придерживаюсь патриархальных взглядов на брак. Напротив. Если и было что-то хорошее в сексуальной революции, то это укрепившаяся тенденция совместного проживания молодых мужчин и женщин без юридических обязательств. В прежние времена девяносто восемь процентов юношей и девушек отправлялись в ЗАГС не с сознательным решением строить семью, рожать детей, а чтобы получить возможность предаваться законному сексу. Как следствие – кошмарные разводы и безотцовщина. Чем цивилизованнее общество, тем терпимее оно относится к гражданским союзам. Пара, которая после трех лет совместного проживания, оформляет свои отношения, играет свадьбу,

с большой долей вероятности будет прочной, ведь она уже преодолела многие пороги и подводные камни, будущее ей ясно и понятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.